

Юрий Митин, старший научный сотрудник
(с 14.10.2008 г. – директор) Барвинковского краеведческого музея

Роль меннонитской общины в развитии Барвенковщины в конце 19 - первой трети 20 века и ее судьба

«Немецкая» тема в истории Барвенковщины давно и остро интересовала автора. Но из-за нехватки документальной базы начинать хотя бы поверхностное исследование было бесполезно. Мои родители происходят родом из Барвенковского района Харьковской области. Район, расположенный в центре гигантского треугольника Харьков - Днепропетровск - Донецк, на рубеже трех важнейших экономических и этнокультурных регионов Левобережья Украины, имеет уникальную историю, которая не входит полностью в поле тяготения какого-то одного из названных центров. После последней войны мои родители, как и тысячи других барвенковцев, выехали в Донбасс в поисках лучшей доли, где я и родился. Но значительную часть своего детства, а летние школьные каникулы - сплошь, я проводил в своих дедушек и бабушек в деревне, на родине предков, которых репрессии и голодоморы тысячами гнали в Краматорск, Константиновку, Горловку и другие города Донетчины в 1930-50-е и все последующие годы. Конечно же, из воспоминаний детства впервые и всплывают рассказы старших о немецких колонистах, которые бок о бок жили с моими дедами и родителями. Рассказы эти вызывали интерес уже хотя бы из, по понятной причине, внимания подростков послевоенного времени ко всем, кто носил этноним "немец". Особенности возраста не способствовали глубокой фиксации в памяти деталей тех рассказов, о чем сейчас приходится сожалеть.

Поздние зрелые поиски данных о немецких колонистах на Барвенковщине давали мало результатов. Провинциальная историография, если можно так назвать скудные, разрозненные и идеологизированные упоминания различных авторов, дышала плохо скрываеваемой неприязнью к немцам. Доступа автор к архивам не имел, но даже если и имел бы - дало бы это какие-то плодотворные результаты? Но покоя не давало то, что повседневная жизнь все время напоминала об этом. Барвенковская

топонимика носит немецкие следы; в городе и районе не редкость немецкие фамилии - Майер, Мюллер, Циммер и тому подобные.

С середины прошлого века постепенно и явно целенаправленно стирается все, что в какой-то мере связано с немецкой темой. Немецкие топонимы заменяются (в 1930-е годы в районе был даже колхоз с немецким названием - "Роттерштерн" в с. Безпальцево нынешнего Близнюковского района, не говоря о том, что масса сел и хуторов со славянскими названиями были частично или полностью заселены немцами). Хотим мы того или нет, но определенная психологическая проблема в восприятии украинцами этнических немцев является фактом, которого трудно избежать. После двух войн, особенно после войны 1941-1945 годов, ненависть к государству-агрессору глубоко укоренилась (а в годы "холодной войны" всячески подогревалась) в сознании многих моих соотечественников и переносилась на всех немцев, несмотря на то, что люди, о которых пойдет речь, к нацизму и агрессии не имели никакого отношения. Большинство из них даже не видели своей исторической родины - Германии. Российская империя, а затем - СССР были их родиной. Интересно, что для власти США, Канады, Бразилии и других стран, куда эмигрировали этнические немцы из СССР в 1920-30 годы, эти люди были "русскими" (так их и записывали¹). Но в массовом сознании моих соотечественников стереотипный образ немца укоренился крепко.

В последнее десятилетие густой туман над темой барвенковских этнических немцев начал рассеиваться. Для автора - прежде всего благодаря установлению связей с представителями меннонитской диаспоры².

Как известно, массовая миграция немцев в Левобережную Украину началась в последней четверти 18 века и была связана с началом стремительной экономической колонизации земель Причерноморья и Приазовья, которые до того принадлежали Войску Запорожскому. Заселение и освоения этого богатого, но малоосвоенного края велось представителями многих наций, среди которых немцы занимали одно из первых мест³. Немцы, поселявшиеся на юге Украины, в основном были представителями трех христианских конфессий - католиков, лютеран и меннонитов. Несмотря на общее этнические корни, колонисты разных конфессий не проявляли особого стремления к тесным контактам между собой, во всяком случае таким, которые можно было ожидать от людей, которые оказались в стране чуждой им культуры. В Барвенковском районе в начале 1930-х годов прошлого века немцы-католики компактно проживали в селах Африкановке, Безпальцево; лютеране - в Рыжово Лачиново, Дубово; меннониты - в Григоровке, Васильевке (Наумовке), Петровке. Несмотря на то, что почти все немецкие поселения располагались компактно на юге и западе Барвенковского района (в границах 1920-60-х годов, до того, как западная часть Барвенковщины была включена в состав Близнюковского района), высокая плотность не приводила к смешиванию общин одной этнической группы.

Картина экономической, политической, культурной жизни и быта Южной Украины на рубеже 19-20 веков в какой-то степени напоминала ту, которая складывалась в это же время в Канаде и США. Высокие темпы экономического развития (самые высокие в империи), отсутствие крепостнических пережитков, которые не успели пустить здесь корни, странным образом сочетались с консервированием внутренних межэтнических и межконфессиональных различий. Поэтому тогдашняя "Новороссия" чем-то напоминала мозаику - с одной стороны этническая пестрота, с другой - определенная изолированность общин. Каждая этническая или конфессиональная группа занимала свою социально-экономическую нишу. Это едва ли не в наибольшей степени касалось общин меннонитов.

Религиозная нетерпимость к меннонитов на их родине - в Нидерландах и Германии - приводила их к необходимости сплочения, а с другой - к самоизоляции. Религиозные убеждения запрещали им вступать в браки с представителями других конфессий, что побудило к поискам супруги внутри общины, а относительно малая численность - к многодетности. Так, основатель одной из больших семей меннонитов, часть которых впоследствии осела в Барвенково - Петер Корнелиус Фрез (1828-1901) был женат дважды и имел от двух браков шестнадцать детей, причем вторая его жена Мария была моложе его на 30 лет. По свидетельству одного из его сыновей - Франца, - причиной такого неравного брака были длительные безуспешные поиски супруги внутри общины. Расселяясь, меннониты продолжали поддерживать связи между собой и материнскими колониями. Когда началась эмиграция из СССР за границу (в основном в Канаду), выехали большинство из них, а те, что остались, сконцентрировались в меньшем количестве колоний, вернувшись в Приазовье и Крым, откуда начиналась их миграция в другие регионы Украины. Поэтому среди этнических немцев, оставшихся в СССР, меннонитов было очень мало, а на Барвенковщине, надо думать, не осталось ни одного. Судьба оставшихся в сталинские и послесталинские времена была незавидной.

Однако, не следует преувеличивать консерватизма меннонитов: в начале нового, 20 века, постепенно разрушается старый патриархальный образ жизни, и молодежь все больше ослабляет связи с семейным очагом. Так, сын одного из самых известных Барвенковских предпринимателей Иоганна Классена - Абрам женился на русской девушке Софии и отказался эмигрировать в Канаду вместе со всей семьей. Он жил с женой в Москве, где умер от неудачной операции в 1925 году. Такие случаи ухода становятся нередки, особенно с приходом к власти большевиков, в результате чего происходит интенсивное разрушение устоявшейся системы ценностей и навязывается "рабоче-крестьянская" идеология, причем, как известно, большевики особенно рьяно боролись с религией. Это грозило полной деградацией духовных основ, что в ряду с экономическими причинами, привело руководство меннонитских общин к мысли об эмиграции.

В конце 16 века меннониты жили в Восточной Пруссии, в частности, в районе Данцига. Бесконечные войны, религиозная нетерпимость и дискриминация делали их жизнь на родине невыносимой. Поэтому когда в Восточной Пруссии появились агенты Екатерины II, которые поощряли переселение немцев в украинские степи, их агитация имела у меннонитов большой успех. Новые земли обещали благосостояние, спокойствие и религиозную свободу.

В 1788 году первая группа меннонитов, которая состояла из 228 семей, уехала в Украину, скоро их общее количество возрастает до 462⁴. Сначала они образовали поселение Хортица на правом берегу Днепра. Впоследствии, расселяясь на юге Украины, они основывают ряд поселений, так называемых "Старых колоний", которые объединялись в две группы: Шонфельд (Schoenfeld) к востоку от Александровска (ныне Запорожье) и Молочную (Molotchna) на берегах реки с одноименным названием. Первые поселенцы встретились с рядом трудностей, связанных с приспособлением к новым климатическим условиям и этническому окружению. Следует, однако, отметить, что этническая и конфессиональная пестрота юга Украины способствовали толерантности в отношениях представителей разных общин.

Вскоре меннониты прижились на новых землях и обустроили опрятные добротные села. Но уже с середины 19 века поселенцы сталкиваются с земельной проблемой. Возможности развития колоний вширь были исчерпаны. Из-за перенаселения старых колоний возникла потребность в создании новых. Поэтому в 1864 году происходит переселение части меннонитов в Крым, где было основано колонию Ферстенлянд (Fuerstenland), а в последней четверти 19 века основано так называемые "Новые колонии" - Мемрик (Memrik) и Науменко (Naumenko). Последняя была расположена на территории нынешнего Барвенковского и смежных с ним районов (Близнюковского Харьковской, Славянского и Александровского Донецкой областей).

Нетрудно заметить, что движение второй волны колонистов происходило к востоку и северо-востоку от Старых колоний и дальше от морских берегов, то есть, в обратном направлении, что может показаться странным. Но только на первый взгляд.

Во-первых, именно эти территории были своеобразным рубежом между югом Украины и Слобожанщиной (не лишним будет вспомнить, что эта граница в свое время де-факто и де-юре проходила рекой Берека (так называемой Украинской линией). Здесь сталкивались две системы хозяйствования на земле и было особенно много крупных помещичьих владений в десятки тысяч десятин. С отменой крепостного права хозяйство требовало более гибких методов в условиях конкуренции, к чему значительное количество землевладельцев старого типа были не готовы, а потому распродавали свои земли новым владельцам. Основными производителями сельхозпродукции становятся хозяйства средних размеров - в 100-300 десятин. Конечно, далеко не каждый мог изложить ориентировочно

25-30 рублей за десятину украинского чернозема в конце 19 века. Значительное количество меннонитских членов общин могла это сделать. Общий уровень их жизни, достигнутый тяжелым неутомимым трудом, бережливостью, здоровым бытом, был выше среднего по Украине. Их покупательная способность и высокая порядочность были хорошо известными, поэтому меннониты были среди желаемых покупателей.

Во-вторых, с постройкой Курско - Харьковско - Азовской железной дороги в 1869 году, коренным образом изменилась экономическая ситуация в регионе. Барвенково оказалось на главной транспортной артерии, соединявшей центр империи с азовским побережьем и Харьков с Донбассом, который быстро индустриализировался. Это открывало большие перспективы для развития Барвенково. Именно эта перспектива привлекала многих переселенцев, не только меннонитов. Население села на рубеже веков составляло 12 тысяч человек, а за 14 лет, в начале мировой войны, оно удвоилось и составило около 24 тысяч жителей. Население тогдашнего Харькова доходило до 200 тысяч человек, а уровень населенности большинстве городков Донбасса не дотягивал до Барвенково. Итак, на старте индустриализации оно имело отличные шансы стать крупным промышленным центром, которым по ряду причин не воспользовалось. Однако, это другая тема.

Таким образом, в последней четверти 19 - начале 20 века, Барвенково переживало самый бурный за всю историю этап развития. Поэтому не случайно, что меннонитская колония Науменко стала их значительным центром⁵. В нее входили села Васильевка (в 10 км. восточнее Барвенково), Петровка (ныне Майдан Славянского р-на Донецкой обл. - в 15 км. восточнее Барвенково), Григоровка (в 7км. юго-западнее Барвенково) и несколько меньших сел - Петровка (вторая), Погоновка (Марьевка) и другие. Некоторые из них состояли из смешанного украинского и немецкого населения, некоторые, как Григоровка, были исключительно меннонитскими. Значительный центр меннонитов сформировался и в самом Барвенково.

Название колонии происходит от фамилии помещика, владевшего землями в районе Васильевки и Петровки (Майдан). Очевидно, приобретая их, меннониты, как это нередко делали, оставили за колонией имя бывшего владельца (в Григоровке было так же). "Науменко", как идентифицируют это село меннониты, а вернее - Наумовкой - в свое время называлось село Васильевка 2 (Вторая) Барвенковского района. Впоследствии название Наумовка начала применяться лишь к части села, той, которую местные жители называют и сейчас "Колонной". Обычно "колоннами" в Барвенковском районе искажено называли колонии, конечно, немецкие, так как это название встречается не раз и в разных местах. Таким образом, можно предположить, что Науменко и Колонна означают то же. Мои покойные дедушка и бабушка по материнской линии, жившие в селе Александровка (или Новоалександровка, по народному же - просто Митровка), которое находится к северу от Васильевки через железную

примерно в 4-5 километрах, часто рассказывали о немцах и употребляли топоним "Таврия". Эта местность находится недалеко от железнодорожного моста через реку Сухой Торец недалеко устья Курульської балки. На топографической карте Генерального штаба Красной Армии 1941 года здесь обозначены два села (их остатки я еще застал в детстве, "обследуя" округу) - Григоровка и Новогригорьевка и большой сад. Конечно, сейчас там нет ни названных сел, ни, тем более, сада. Тем не менее, топоним Таврия приводит к мысли, что основателями их были именно меннониты - ведь они прибыли на Барвенковщину с Юга, который часто обобщенно называют Таврией. В 2003 году один из немногих старожилов села моих предков по имени Соловей Иван рассказал мне, что села и сад основали "выходцы из Крыма". Можно предположить, что их основателями были или Й.Классен, или Й.Фрез.

Прибывшие в Барвенковщины меннониты сначала занимались почти исключительно сельским хозяйством. Систему их экономического, общественной жизни и быта можно исследовать на примере Григоровки, тем более, что это село было исключительно меннонитским.

В 1888 году уполномоченные от группы семей из Старых колоний А.Крегер и Г.Редеккоп приобрели почти 3000 десятин земли юго-западнее Барвенково у генерала Григория (Григора) Щербачева по цене по 27 рублей за десятину. Первая группа поселенцев - 36 семей - прибыла весной 1889 года, чтобы сразу приступить к весеннему севу. Земли общины были разделены на 41 "виртшафтен" (ферму), каждая площадью около 70 десятин. Первый год был тяжелым испытанием для переселенцев. Ведь сначала решались хозяйственные проблемы - сев, уход за посевами, строились помещения для скота и т.д., а уже на втором плане было обеспечение быта. Поэтому первую зиму зимовали в примитивных жилищах, часто - просто в землянках или даже в фермах вместе со скотом. Некоторые нашли временное пристанище в соседнем украинском селе Ялканке. Но неутомимая кропотливая работа скоро дала свои плоды. Уже через десять лет здесь было построено замечательное село с добротными домами, которое поселенцы назвали в память о бывшем хозяина Григорьевка (Григоровка).

Местоположение села и план его обсуждали всем миром. Григоровка представляла собой тщательно спланированное поселение на высоком плато в юго-западном углу земель общины. Выбор места остается загадкой, ведь изначально планировалось другое, ближе к железной дороге (ст. Языково) и, как водилось в Украине, в балке с источниками хорошей воды. Но победу одержал другой план. Село простиралось с запада на восток одной ровной улицей длиной около 1,5 километра. Ровно посередине его перерезал переулок, таким образом Григоровка состояла из четырех кварталов. Большинство домов были построены из добротных материалов и крыты соломой или гонтом. Дворы были огорожены однотипными деревянными заборами, а впереди них меннониты высаживали деревья, чаще всего дикие

груши, иногда акации. За жилыми домами располагались хозяйственные постройки, сады и огороды.

Главным занятием григоровчан были выращивание зерновых и животноводство. Именно они составили основу их материального достатка. Наблюдения за климатом региона, который во многом отличался от климата Приазовья, откуда прибыли поселенцы, убедили их, что выращивание озимых зерновых здесь является большим риском. Поэтому почти все внимание сосредотачивалось на выращивании яровой пшеницы сорта "Улька" и особенно ячменя. Именно ячмень стал "золотой" культурой. Благодаря ему поселенцы были обеспечены и товарным, и фуражным зерном, и соломой, которая использовалась в различных целях - от материала для кровли до пищи для животных. Излишки зерна крестьяне продавали на Барвенковском рынке или сдавали на пивоварню в Антоновку (Даниловку). В огородничестве важное место занимали бахчевые культуры, которые меннониты привыкли культивировать на юге и которые были их любимым десертом. Из арбузов, дынь и фруктов они умели варить сироп, что помогало компенсировать отсутствие сахара в годы лихолетья.

Животноводство григоровчан мало чем отличалось от традиционного для края: разводили крупный рогатый скот, лошадей, овец, свиней, птицу. Особого внимания заслуживает немецкая порода лошадей-тяжеловозов, отличавшихся силой и большим ростом.

С начала григоровчане ввели четырехпольную систему хозяйствования. Орудия труда были разными - от примитивных серпов и цепей к более совершенным. Главным орудием жатвы была "лобогрейка," названная так потому, что работа на ней была чрезвычайно тяжелой. Для обмолота, кроме цепов, часто использовали зубчатые катки - гарманы. Уже перед мировой войной в зажиточных хозяйствах появляются сельскохозяйственные машины известных зарубежных марок - "Маккормик", "Осборн" и других.

Трудолюбие, бережливость, здоровый образ жизни меннонитов привели к тому, что уже на рубеже веков Григоровка и другие меннонитские села стали одними из самых богатых в округе. С одной стороны, это служило примером для других, с другой - у многих вызывало зависть и недовольство. Особенно это проявилось позже, в первые годы советской власти, когда этноним "немец" ассоциировался со словом "кулак". Советскими органами этот стереотип всячески распространялся. Вот как характеризует Барвенковский район известный украинский писатель Терень Масенко, который в феврале 1930 года посетил его с группой других писателей (среди которых были О.Вишня и Хвылевой) с "культпоходы," иначе говоря, подгонять коллективизацию: "Один из самых сельскохозяйственных районов на Украине, в прошлом - с наиболее развитым кулацким хозяйством и самым высоким процентом таких хозяйств. Целые кулацкие хутора. Целые деревни с большинством помещиков-немцев, имевших по две-три сотни десятин земли⁶". Несмотря на всю идеологическую окрашенность данного высказывания, для нас важно то, что Барвенковщина в начале прошлого века

была развитым сельскохозяйственным краем, и эта развитость во многом достигнута благодаря немецким колонистам, в частности, меннонитам.

Если сельскохозяйственное развитие Барвенковщины был результатом неутомимого труда и меннонитов в том числе (наряду с другими), то в промышленном развитии Барвенково они сыграли, без преувеличения, исключительную роль.

В конце 19 века юг Украины охватила "мельничная лихорадка," которая была составной стремительной индустриализации. Именно меннониты сыграли в ней едва ли не важнейшую роль. Объемы производства товарного зерна на юге Украины в то время достигли больших размеров, что сделало Империю житницей Европы. Вместе с тем, наиболее предприимчивыми головами того времени овладевает мысль, что переработка зерна на муку на месте было бы гораздо выгодным делом. Переработка с помощью дедовских методов – ветряными мельницами - уже не отвечала потребностям времени. Срочно добываются и разрабатываются чертежи и планы паровых мельниц. Юг Украины в короткий срок покрывается сетью мукомольных предприятий. Именно тогда Барвенково становится одним из крупнейших центров этой отрасли на Левобережье. Этим ростом оно обязано прежде всего братьям Герхарду и Петеру Фрезам и Арону Леппу.

Из мемуаров Г.Фреза⁷ трудно понять, почему Барвенково привлекло внимание энергичных предпринимателей. Однако, проанализировав экономико-географическую ситуацию, это нетрудно сделать.

Во-первых, слобода Барвинкова в начале прошлого века стала не только важным центром региона по производству товарного зерна, но также и его вывоза. В село свозилось зерно из округа в 60-100 километров для дальнейшей транспортировки (в основном, в порты Азовского моря). Таким образом, здесь концентрировались огромные массы сырья. Например, только в 1907 году на железнодорожной станции Барвенково было вывезено зерна на сумму в 3 миллиона рублей. Зерна, особенно в урожайные годы, в Барвенково свозилось столько, что не хватало зернохранилищ, и его приходилось высыпать на брезенты под открытым небом. Так возникали знаменитые на всю округу барвенковские "ссыпки," а самые ловкие спекулянты зерном устраивали такие ссыпки на подъездах к селу, иногда за 10-15 километров⁸. Таким образом, в Барвенково были условия для построения паровых мельниц.

Во-вторых, в округе уже существовала довольно многочисленная меннонитская община, которая могла стать опорой в бизнесе. Не случайно первые соглашения на поставки зерна братья Фрезы заключили именно с фермерами Петровки, Васильевки и Григоровки.

Поэтому с этого угла зрения выбор места для постройки паровой мельницы братьями Фрезы А.Леппом не является случайностью.

Продав свою ферму в Старых колониях за 5000 рублей, Г.Фрез отправляется в Барвенково, где недалеко от железнодорожной станции

покупает земельный участок под будущую мельницу. Братья Фрезы А.Лепп шли на огромный риск, взявшись за доселе неведомое им дело и еще в совершенно незнакомом селе. Из мемуаров Г.Фреза мы узнаем, что компаньоны неоднократно находились на грани финансового краха и становились жертвами мошенников. Они вынуждены были брать деньги в долг и давать взятки чиновникам. Тем не менее, 4 декабря 1894 механик Хайнер запустил двигатель второй в Барвенково паровой мельницы (первой была мельница Д.Хараджаева, запущенная в 1883 году). Это было большое для того времени здание в два с половиной этажа и дымоходом высотой в 30 метров; зернохранилище достигало высоты 15 метров.

В последующих 1895 мукомольную промышленность охватил глубокий кризис. Это были тяжелые времена, многие владельцы мельниц обанкротились, однако, бизнес Фрезов выжил; впоследствии их предприятие завоевало еще большую славу в округе. В 1899 году компания смогла, наконец, рассчитаться с долгами. Объемы производства муки все росли. Готовая продукция потреблялась на местном рынке, а также вывозилась в Тулу, Варшаву, Лодзь и другие города. Стало понятно, что предприятие следует расширить. Поэтому в ноябре 1904 года рядом со старой мельницей появилась новая четырехэтажная, значительно мощнее. Теперь на мельницах Фрезов и Леппа перерабатывалось на муку ежедневно до 72 тонн пшеницы.

Одновременно с построением мельниц компаньоны ведут большое жилищное и коммунально-бытовое строительство. Сооружаются жилые дома, школа, склады и др. В районе нынешней улицы Свердлова в Барвенково возникает целое небольшое меннонитское поселение протяженностью около 300 метров. Здесь строится артезианский колодец и закрытый резервуар для воды, жилые дома оборудуются электричеством и паровым отоплением.

Примеру Фрезов подражали. В течение первых лет 20 века в Барвенково построено еще несколько паровых мельниц. В селе даже бытовала интересная пословица: "Не только Фрезам зарабатывать большие деньги на своих мельницах". Перед первой мировой войной в селе работало 9 паровых мельниц: кроме двух мельниц Фрезов это были еще мельницы Эппа, Классена, Хараджаева, Финченко, Любарского, Романенко, Тиссена. Паровые мельницы меннонитов строятся также в Петровке (Майдан), Григоровке.

Мукомольная промышленность и торговля были теми двумя основными отраслями, которым Барвенково обязано своим процветанием в начале прошлого века. Среди многочисленных торговых предприятий того времени были и такие, которые принадлежали меннонитов, в частности, универсальный магазин Д.Унру, в котором можно было купить все - от иголки до автомобиля. В 1909-1910 годах в доме А.Леппа открывается филиал Петербургского банка. Таким образом, барвенковские меннониты активно участвуют в развитии всех материальных сфер региона.

В 1910 году в Барвенково по инициативе и с непосредственным участием меннонитов происходит еще одно знаменательное событие - начинает работу завод сельскохозяйственных машин "Луч". Учредителями предприятия были Иоганн Классен, Иоганн Фрез и Бернхард Дик. Два первых владели землями в Васильевке (и, возможно, так называемой уже упоминавшейся "Таврией"). Развитие сельского хозяйства и мукомольной промышленности привело их к мысли о необходимости создания предприятия по постройке и ремонту сельскохозяйственных машин. Они почувствовали, что в результате экономического роста в регионе и, в частности, в Барвенково, деньги, инвестированные в машиностроительное предприятие, могут принести немалые, большие, чем в сельском хозяйстве, дивиденды⁹. Кроме того, подобное стремление является свидетельством изменений в традиционном мировоззрении многих меннонитов, особенно молодежи. Молодое поколение постепенно отходит от патриархального образа жизни. Два старших сына Й.Классена были влюблены в технику, они мечтали создать в Барвенково крупное машиностроительное предприятие. Продав за 50000 рублей свою землю, Классены переезжают в Барвенково, где в компании с Й.Фрезом и Б.Диком основывают машиностроительный завод. Участок с корпусом были приобретены, по непроверенным данным, у купца Г.Мартиненко возле железнодорожного вокзала. Помещение бывшей маслобойни было быстро переоборудовано под цех завода (вскоре оно сгорело, и владельцы построили новые корпуса, один из которых в видоизмененном виде существует до сих пор). Перед революцией на заводе работало до 200 рабочих. Это было крупнейшее промышленное предприятие города. Оно выпускало и ремонтировало разнообразную сельхозтехнику, а в годы войны выполняло военные заказы.

Следовательно, в развитие торговли, сельского хозяйства и особенно промышленности Барвенковщины меннониты сделали огромный вклад.

Не подлежит сомнению и значительный вклад их общины в развитие образования региона. Следует сказать, что каждое меннонитское село или городская община имели свои начальные школы ("дорфшуле"), в которых обучение подростков было обязательным. Кроме того, в Старых колониях функционировала так называемая высшая школа, в которой изучали религию, чистописание, историю, русский и родной (немецкий) языки, географию, геометрию, физику и родной истории. Поэтому общий уровень образования меннонитов был достаточно высоким, из их среды вышло немало медиков, музыкантов, миссионеров, отправлявшихся проповедовать меннонитское учение в различные регионы мира - на Кавказ и далее, вплоть до Индии включительно (Г.Унру). Однако, конфессиональные проблемы не входят в тему данного доклада (хотя обойти ее вряд ли удастся по ряду причин, о чем чуть позже).

Меннониты в вопросе образования не замыкались внутри своей общины. Примером может служить открытие в 1909 году в Барвенково высшей школы коммерции и образования, более известной как коммерческое

училище. Открытие этого учебного заведения, которое давало высокое образование и открывало путь выпускникам училища к университетскому образованию, диктовалось требованиями времени. В начале 20 века уже сформировался достаточно многочисленный класс барвенковской буржуазии, которая стремилась дать глубокие знания своим детям. Поэтому было решено на долевых началах основать учебное заведение, которое могло бы стать стартовой площадкой к высшему образованию. В обсуждении проекта и строительстве активное участие приняла и немецкая община, в том числе меннониты. Это было учебное заведение, которое давало лучшее образование во всем регионе и в каком учились как юноши, так и девушки - дети предпринимателей, помещиков, богатых крестьян. Курс обучения составлял три года. В 1912 году построено новое большое помещение училища с электрическим освещением и паровым отоплением, в котором было тринадцать классных комнат, служебные помещения и большой актов зал. Это здание, почти полностью разрушенное в 1941-1943 годах, надолго стало не только учебным заведением, но и центром всей общественной и культурной жизни Барвенково. Вскоре после открытия, в училище стали принимать и детей из "простых" семей. Первым директором школы был Иван Баранов, а немецкий язык преподавал Абрам Унру - член меннонитской общины.

Несмотря на то, что меннониты являлись гражданами Российской империи уже более полутора веков - гражданами лояльными и законопослушными, а значительное количество их, особенно молодежи, ассимилировались (разговаривали основном на русском, а на немецком только в быту, да и то не всегда¹¹, отношение к ним было не всегда толерантным. Как известно, законами империи православие было провозглашено государственной религией, а значит представители других конфессий подвергались притеснениям. Закон запрещал проводить миссионерскую деятельность не только представителям нехристианских конфессий (мусульманам, иудеям и т.п.), но и представителям неправославного христианства среди славянского населения под угрозой уголовного преследования, в то время как обратный процесс поощрялся. Именно Г.Фрез в 1904 году пострадал за то, что на собрание меннонитов были допущены украинцы и русские - провел три месяца в тюрьме. Однако, в другом власть государства не оказывала притеснений представителям немецких общин, более того, меннониты пользовались правом альтернативной службы в армии, отбывая ее или в частях лесной охраны, или в медицинских армейских учреждениях.

Отношения между властью и этническими немцами (в том числе и меннонитами) обострились с началом первой мировой войны, когда империю охватила германофобия. И хотя внешне царское правительство откровенно не выказывало недоверия к немцам, это начало проявляться как на бытовом уровне, так и в практике действий власти. Так, лошади, которых брали для нужд армии, делились на три категории (и устанавливалась соответствующая

за них компенсация): кавалерийские (высшая), артиллерийские и тягловые - самая низкая категория, в которую попали немецкие битюги. А кавалеристы часто охотно меняли своих маленьких лошадей на выносливых немецких. Поддержку правительства, которую получали матери и жены русских солдат, меннонитски женщины не получали. Все этнические немцы прифронтальной зоны подлежали переселению вглубь страны и оседали, естественно, у соплеменников. Известно, что царское правительство разрабатывало планы переселения всех немцев в Сибирь, но то, что с успехом сделал Сталин, царское правительство не решилось, а скорее - не успело. Так люди, для которых Россия была родиной, но имели несчастье быть "инородцами" и неправославными, стали заложниками вражды между двумя странами.

Ситуация для этнических немцев значительно ухудшилась с приходом к власти большевиков. Начались многочисленные "экспроприации," а поскольку значительный процент меннонитов был зажиточным, то их это задело в первую очередь. Г.Фреза "экспроприировали" несколько раз, причем формы и методы действий новой власти больше походили на банальные ограбления, потому что ни актов изъятия, ни каких-либо других документов (кроме ни к чему не обязывающих расписок, и то не всегда) представители власти, как правило, не выдавали, к тому же во время многочисленных изъятий пропадали некоторые личные вещи¹². Новая власть национализировала завод "Луч," который стал главным центром барвенковских большевиков. Интересно, что один из бывших владельцев завода Й.Фрез просил оставить его на предприятии простым служащим, но в этом ему было отказано. Так воплощалась теория уничтожения буржуазии как класса, что практически означало лишение средств к существованию конкретных людей. После окончания гетманщины Скоропадского и немецкой оккупации, большевики инкриминировали этническим немцам сотрудничество с оккупационной администрацией. Действительно, многие представители немецких общин способствовали новой власти, но видели в этом исключительно восстановление порядка и спокойствия, а не национальную месть. Немецкие части находились на постоях в богатых жителях, но попытки привлечь меннонитов к так называемым "отрядам самообороны" со стороны оккупационных властей не принесли успеха. Поэтому, кстати, барвенковские меннониты даже во время наибольшего хаоса в стране жили в согласии с украинским населением и против них не было совершено массовых актов мародерства.

С началом НЭПа положение этнических немцев ухудшилось. На них смотрели как на "кулаков," их хозяйства облагались непосильными налогами. Политика покровительства новой власти коммуна и другим формам коллективной собственности и стремление задушить единоличника были настолько очевидными даже в годы НЭПа, что только слепой не мог видеть, что власть рано или поздно осуществит отчуждение собственности.

Не меньшее, если не большее для меннонитов, значение имела идеологическая политика большевиков, которая проявлялась прежде всего в

агрессивном атеизме. Антирелигиозная политика была ключевым моментом идеологии 1920-30-х годов. Принято считать, что давлению подвергалось прежде православие. Думается, что это не совсем так. Поскольку в православной в основном стране делать резкие движения против господствующей религии было опасно, по крайней мере, в первые годы, то власть проводила различные эксперименты в виде введения "живой церкви" и т.д., то есть, действовала какой-то мере постепенно. С религиозными же меньшинствами можно было не церемониться, поэтому именно они уничтожались в первую очередь.

Руководство меннонитских общин вовремя разглядело планы властей. Возможно, что-то подсказывал далекий, но не забытый исторический опыт. Но так или иначе, меннониты собрались в эмиграцию, тем более, что власть в 1920-е годы не только не препятствовали выезду за границу этническим немцам, а наоборот, способствовала. Оформление документов на выезд за значительные средства, продажа недвижимого имущества выезжающими за бесценок - все это пока устраивало. Документы того времени свидетельствуют о возмущении членов немецких общин, отбывающих, в эмиграцию на наглые действия скупщиков их имущества (многое просто бросалось).

Массовый выезд меннонитов из СССР начался в 1923 году, когда полностью загруженные четыре эшелона беженцев (около 4000 тысяч человек) выехали к портам Прибалтики, чтобы потом добраться Канады. О масштабах меннонитской эмиграции свидетельствует тот факт, что только 17 июля 1924 только с Григоровки со станции Барвенково выехало 175 человек. Выехали с семьями почти все ведущие барвенковском предприниматели, некоторые из них еще раньше перебрались в Старые колонии (Г.Фрез) и эмигрировали оттуда. 1 октября 1925 Барвенково покинула семья Классенов. Их дом в Барвенково напротив завода "Луч," куда они перебрались после экспроприации, всегда была открыт для всех желающих и нуждающихся - и не только меннонитов. Провожать Классенов на железнодорожный вокзал пришли более 100 человек. Выезд немцев из СССР продолжался до конца 20-х годов, пока в 1930-1931 годах границы тоталитарной страны не были закрыты. Немногим оставшимся в СССР меннонитам суждено было вместе с советским народом пережить все круги сталинского ада¹³.

Родина стала для меннонитов злой мачехой. Нельзя не отметить того, что, приехав в Канаду, они вынуждены были начинать все сначала. Особенно тяжело было тем, кто оказался за океаном в годы мирового кризиса 1929-1933 годов. Но в эти же годы доля тех, кто остался в Украине, была трагичной: они вымирали во время ужасного в истории искусственного голодомора, "не замеченного" миром. Но это уже другая большая тема.

Уже через несколько лет меннониты стали полноправными гражданами своей новой родины и зажиточными хозяевами.

Сейчас справедливость должна быть восстановлена. Вклад меннонитов в развитие Барвенковского региона, до сих пор неоцененный, был значительным - и это надо признать.

Автор выражает глубокую признательность всем тем, кто помог пролить свет на "темные пятна" нашей региональной истории, особенно гражданке Канады Саре Классен, которая предоставила Барвенковскому краеведческому музею книги, материалы, факты, а также оказала другую помощь, без которой данная тема не могла бы быть раскрытой.

Примечания:

- ¹ См. Л.В.Смирнягин. Районы США: портрет современной Америки.- М. :»Мысль».-1989.-С.153. Там, в частности, пишется: »В Южной же Дакоте гораздо больше доля различных религиозных сект вроде меннонитов, приехавших сюда не столько по экономическим мотивам, как скандинавы, сколько из-за гонений на родине.» Думаю, под «родиной» следует понимать не только или, вернее, не столько Германию.
- ² К большому сожалению, я лично не виделся с Сарой Классен, но встречался с его родственниками, которых, думаю, удивило то, что в Барвенковской глуши помнят и хранят историю.
- ³ По разным оценкам, на территории Украины в 20-е годы 20 века проживало 300-400 тысяч немцев. К сожалению, численность их по конфессиям установить непросто. В книге Е.Фризен "Путь к свободе" отмечается, в частности, меннониты составляли 4% от всего количества немцев Российской империи. Там же отмечается, что в годы второй мировой войны только с СССР эмигрировали на Запад около 35000 меннонитов, из них 12000 - в Канаду.
- ⁴ См. T.Friesen, E.Dyck (Peters), G.Bergen.- Memories of Grigorievka.-CMBC Publications.-Winnipeg, Manitoba.-1998.-P.xii.
- ⁵ Колония «Науменко» - условное название. Это не означает, что ее центром было именно это село. (свидетельство Сары Классен)
- ⁶ Т. Масенко. – Жива річка.- Харків.-1930.
- ⁷ Memories by Gerhard P. Froese.- Edition by B.Toews. -2000. –Ps. 14-61.
- ⁸ М.Карпов. – Барвінківський зошит. – Харків: Прапор.- 1971. - С.6-17.
- ⁹ Peter G. Epp. –Agatchen. A Russian Mennonite Mother`s Story. – Winnipeg. – 1986.-P.141. В диалоге между старенькой бабушкой Агатой, которая не привыкла к новым веяниям, Й.Классен доказывает ей преимущества открытия завода так: ввиду экономического роста в регионе - он предчувствует - Барвенково имеет многообещающее будущее. Село расположено вблизи оживленной дороги и в последние годы быстро растет. Поэтому деньги, инвестированные в завод, принесут большие дивиденды, чем в сельском хозяйстве. В этом Й.Классен был прав, вот только ни он, ни кто-либо другой не мог предположить, что через каких-то семь лет к власти придут большевики.

- ¹⁰ В училище учился и Н. Карпов, автор первой книги о Барвенково. В "Барвенковской тетради" он часто вспоминает и училище, и народный театр, который действовал при нем.
- ¹¹ Старушка Агатхен (см. примечание к с.8) жалуется на молодежь, что они разговаривают на русском и просит их хотя бы дома говорить на родном языке. Процесс ассимиляции в начале 20 века, особенно в отношении молодого поколения, шел к завершению, чего не может и не хочет понять представительница старшего поколения (там же, с.79).
- ¹² Мемуары Г. Фреза, с.53-56. Автор подробно описывает, как к нему домой, начиная с 22 февраля 1918 г., несколько раз приходили вооруженные люди и требовали деньги наличными, каждый раз все больше. Во время таких "визитов" пропадали некоторые личные вещи, например, шелковые платки и даже две ленты для волос, которые Герхард подарил жене. Вообще, методов шантажа, в арсенале новой власти немало, один из них заслуживает внимания. Как-то "буржуев" собрали вместе в вагоне на удаленном пути железнодорожной станции, требовали деньги, а в случае отказа в сопровождении вооруженной стражи выводили наружу (очевидно для того, чтобы пугать расстрелом). А где-то уже расстреливали самом деле - фермера Петерса, который отказался давать деньги, красногвардейцы расстреляли прямо в его дворе (с.54).
- ¹³ По данным, приведенным в Journal of Mennonite Studies (Vol. 16, 1998, p.10), было раскулачено от 20 до 25 процентов меннонитских хозяйств из оставшихся в СССР. Это значительно более высокий процент, чем среди других этнических или социальных категорий. Однако, через малочисленность меннонитов, историография этого факта не заметила.

Литература и источники:

1. T. Friesen, E. Dyck (Peters), G. Bergen. Memories of Grigorievka. – CMBC Publications. - Winnipeg, Manitoba. – 1998.
2. Memories of Gerhard P. Froese. – Edition by B. Toews. – 2000.
3. Peter G. Epp. Agatchen. A Russian Mennonite Mother's Story. – Winnipeg, Manitoba. – Canada. : Hyperion Press Limited. – 1986.
4. What is my House. The Story of the Peter K. Froese Family. – Froese Heritage Committee. – 1987.
5. А.В.Смирнягин. – Районы США: портрет современной Америки. – М: Мысль. – 1989.
6. М.Карпов. – Барвінківський зошит. – Харків: Прапор. – 1971.
7. E. Friesen. Journey Into Freedom. – Raduga Publication. – Winnipeg. – 2003.
8. Journal of Mennonite Studies. – Vol. 16, 1998.

В работе использованы также материалы Барвенковского краеведческого музея, воспоминания очевидцев, а также отдельные материалы, в том числе фото, любезно предоставленные в распоряжение музея гражданкой Канады Сарой Классен.

Оригинал статьи на украинском языке был представлен на научно-теоретической конференции "Слобожанские чтения" в Харькове, в 2006 году.

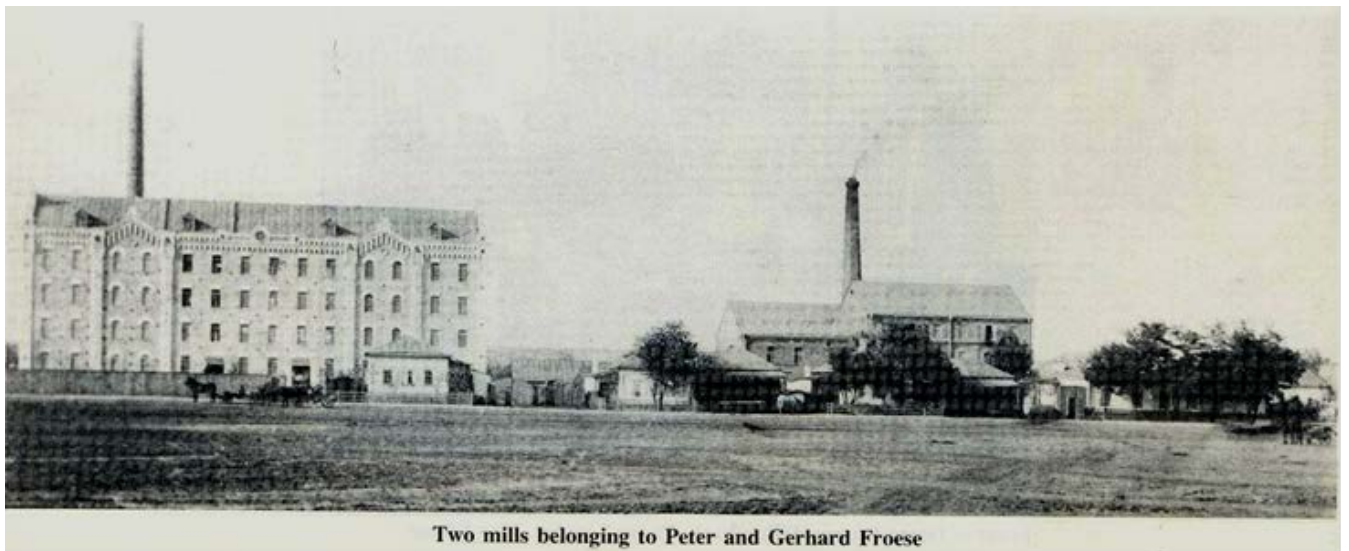
Украинский вариант текста можно посмотреть на странице:

<http://barvinok.dbst.org.ua/index.php?post=mitin/001>

Иллюстративный материал.

Общий вид слободы Барвенково в 1917 г. (на заднем плане в центре фото вдали - мельница Фрезов)

Two mills belonging to Peter and Gerhard Froese

Паровая мельника Герхарда, Петера Фрезов и Арона Леппа в Барвинково. Фото 1904 г. (Фото из книги «What is my House. The Story of the Peter K. Froese Family».)

Совершенно вид мельницы Фрезов (2010 г.)

Совершенно вид дом Фрезов (мое предположение)

Коммерческое училище в Барвенково (фото 1917 г.)

Юрий Митин
2004 -2009 гг.